

RU

История, основные тенденции и перспективы зебальдоведения

Ховалко К. С.

Аннотация. Цель исследования – определить основные тенденции и закономерности в работах, посвящённых творчеству немецкоязычного автора второй половины XX – начала XXI века В. Г. Зебальда. В статье рассмотрен корпус основных и наиболее репрезентативных западноевропейских (английских и немецких) и отечественных научных исследований. Научная новизна заключается в том, что впервые целостно систематизировано исследовательское поле зебальдоведения с учётом его тридцатилетней истории и динамики развития. В результате определены хронологическая и тематическая специфика научных публикаций, что позволяет обозначить основную тенденцию в зебальдоведении на данный момент – фрагментарный характер научной рецепции. Также выявлена устойчивая структура исследовательского поля: его «ядро» образуют работы, посвящённые темам травмы, памяти, меланхолии, Холокоста, интермедиального взаимодействия текста и изображений, а также жанровой специфике романов; «периферию» – исследования полилингвальности и интертекстуальности произведений, а также нарратологические и компаративные штудии. При этом можно утверждать, что в последние годы намечается смещение интереса от центральных тем – к периферийным аспектам поэтики произведений.

EN

History, main tendencies, and prospects of Sebald literary studies

K. S. Khovalko

Abstract. The aim of the study is to identify the main tendencies and patterns in scholarly works devoted to the oeuvre of W. G. Sebald, a German-language author of the second half of the 20th – early 21st centuries. The article reviews a corpus of the most important and representative Western European (English and German) and Russian academic studies. The scientific originality lies in the fact that, for the first time, the research field of Sebald studies has been holistically systematized, taking into account its thirty-year history of development. As a result, the chronological and thematic specifics of scholarly publications have been determined, which makes it possible to identify the general tendency in Sebald studies at the present moment – the fragmented nature of scholarly reception. A stable structure of the research field is revealed: its “core” is formed by works devoted to the themes of trauma, memory, melancholy, the Holocaust, the intermedial interaction of text and images, as well as the genre specificity of the novels; its “periphery” comprises studies on plurilingualism and intertextuality, along with narratological and comparative analyses. It can be argued that in recent years a shift of interest has been emerging from the central themes towards the peripheral aspects of the poetics of the works.

Введение

Винфрид Георг Максимилиан Зебальд, более известный как В. Г. Зебальд (1944–2001), – немецкий поэт, прозаик, эссеист, историк литературы, писавший на немецком и английском языках. В настоящее время о Зебальде чаще всего вспоминают как о прозаике и эссеисте, осмысляющем моральное состояние послевоенной Германии, создателе «романов-ламентаций о потерянных жизнях, утраченной природе, утраченных городских ландшафтах» (Какзанова, 2015, с. 87). Наиболее значительным произведением автора принято считать «Аустерлиц» («Austerlitz», 2001), традиционно оказывающийся в центре зебальдоведения; однако в последнее десятилетие и другие книги писателя – «Головокружения» («Schwindel. Gefühle», 1990), «Эмигранты. Четыре долгих рассказа» («Die Ausgewanderten. Vier lange Erzählungen», 1992), «Кольца Сатурна» («Die Ringe des Saturn», 1995) – все чаще привлекают внимание исследователей.

Актуальность данного исследования обусловлена устойчивым интересом к творчеству В. Г. Зебальда со стороны как зарубежных, так и отечественных литературоведов, а также интенсивным развитием мирового

зебальдоведения, которое за три десятилетия сформировало обширный, хотя и внутренне фрагментированный корпус работ, насчитывающий сотни публикаций. Преобладание исследований, в которых анализируются отдельные аспекты поэтики произведений, при недостатке обобщающих работ создаёт существенные трудности для развития зебальдоведения, затрудняя формулирование стратегий дальнейшего изучения наследия писателя и интеграцию полученных результатов в широкий контекст современной германистики. Вместе с тем в последнее десятилетие авторы научных работ стремятся расширить круг тем и подходов, в рамках которых анализируется творчество писателя, значительно усложняя поле исследований, что указывает на необходимость методологической рефлексии.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- выявить устойчивую тематическую структуру зебальдоведения, определив его содержательное «ядро» и «периферию»;
- сопоставить между собой работы, близкие по темам исследования, определить их основные точки схождения и дифференциации;
- на основе проанализированного материала определить лакуны в зебальдоведении на данный момент.

В процессе изучения исследований, объединённых едиными тематическими полями (например, жанровая специфика, интермедийные аспекты), использовались сравнительно-сопоставительный и диахронический методы, позволяющие оценить развитие зебальдоведения и проследить динамику интереса исследователей к различным аспектам поэтики произведений.

Материалом для данной статьи послужили романы В. Г. Зебальда «Головокружения» (*“Schwindel. Gefühle”*, 1990) (Зебальд, 2019b), «Эмигранты. Четыре долгих рассказа» (*“Die Ausgewanderten. Vier lange Erzählungen”*, 1992) (Sebald, 2002), «Кольца Сатурна» (*“Die Ringe des Saturn”*, 1995) (Зебальд, 2019c) и «Аустерлиц» (*“Austerlitz”*, 2001) (Зебальд, 2019a).

Важно отметить, что данное исследование не претендует на статус исчерпывающего рассмотрения всех научных публикаций, посвящённых В. Г. Зебальду, суммарное количество которых не поддаётся подсчёту в силу своей многочисленности. Однако отобранный материал позволяет определить общие черты развития зебальдоведения и контекст, в котором наиболее часто рассматривается автор.

В центре внимания настоящей работы находится восприятие произведений В. Г. Зебальда как литературоведами, изучающими творчество автора, так и более широким кругом гуманитарных исследователей, которые обращаются к работам писателя. Анализ публикаций показывает, что можно выделить две наиболее распространённые тенденции в исследованиях. Первая – интерпретация Зебальда как автора текстов, связанных с военной проблематикой, что выражается в подходе к произведениям как к целостным идейным высказываниям. Вторая тенденция заключается в обособленном изучении аспектов поэтики произведений (военная тематика, использование изображений, полилингвальность и т. д.). В связи с этим теоретической базой исследования стали, во-первых, эстетическая теория Теодора Адорно (2026), согласно которой художественное произведение следует рассматривать в его сущностной незавершённости. Зебальдоведческие штудии, в свою очередь, проанализированы с позиций «негативной диалектики» (Адорно, 2003) – исследовательская рецепция произведений автора рассматривается как динамическая структура. Во-вторых – герменевтический принцип истолкования текстов Х.-Г. Гадамера (1988), что позволяет проследить динамику между двумя противоположными подходами к восприятию текстов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов в процессе учебно-методической деятельности при создании учебников и учебных пособий по современной немецкоязычной литературе, при подготовке спецкурсов и спецсеминаров по интермедийности и жанрологии, а также при дальнейшем изучении произведений В. Г. Зебальда.

Обсуждение и результаты

Ещё при жизни – во второй половине 1990-х годов – Зебальда называли «голосом совести» немецкой нации, «автором Холокоста» и писателем, обеспокоенным историей послевоенной Германии. Подобная рецепция представлена, в частности, у Сюзен Сонтаг (2006). Со временем внимание зебальдоведов смещается на более частные аспекты романов. Можно выделить «ядро» зебальдоведения – анализ военной тематики в произведениях и связанных с ней тем эмиграции, меланхолии и памяти – и «периферию» – изучение отдельных тем и мотивов, поиск интертекстуальных связей. Рассмотрение романов как текстов «о войне и её жертвах» давало определённую целостность в понимании того, «о чём» произведения Зебальда, однако не учитывало множества аспектов, выходящих за рамки данной проблематики. Исследования, посвящённые частным аспектам, напротив, характеризуются фрагментарностью и отсутствием целостного взгляда; представление о «ядре» произведений в них, как правило, принимается как данность и не подвергается критическому переосмыслению.

Несмотря на то, что Марк Андерсон ещё в 2003 году отметил, что «основной темой большинства его (В. Г. Зебальда) книг является экзистенциальное изгнание, а не массовые убийства» (Anderson, 2003, p. 104), именно акцент на трагических последствиях войны стал магистральным в зебальдоведении первого десятилетия его существования. Длительное время исследовательский интерес был связан прежде всего с рассмотрением традиционных зебальдовских тем, соотносимых так или иначе с «военной проблематикой» (Agazzi, 2015): темы травмы (Botez, 2013), памяти (Ribó, 2009), меланхолии (Downing, 2018), жанровой специфики и использования

изображений в романах (Tseti, 2015). Следует отметить, что нередко в работах данные тематические блоки рассматриваются в соотнесённости друг с другом, как, например, репрезентация памяти через использование изображений (Зозуля, 2019).

Как уже было сказано, традиционно центральным произведением немецкого автора считается «Аустерлиц», поэтому не случайно этому тексту посвящено подавляющее количество статей и монографий. Характерные для всего творчества писателя темы (Холокост (Zilcosky, 2006), тема памяти (Brockmeier, 2008)) и художественные приемы (интертекстуальность (Schmucker, 2012), использование фотографий (Зозуля, 2018)) зачастую рассматриваются именно на материале этого романа. Вместе с тем начиная с 10-х годов, несмотря на сохранение данной тенденции, в поле зрения исследователей все чаще попадают другие произведения немецкого автора. Это, прежде всего, роман «Кольца Сатурна» (Costagli, 2015), который не столь отчётливо соотносится с темой войны. Подобное смещение исследовательских интересов оказывается симптомом усложнения научной рецепции творчества Зебальда, стремления отойти от изначальной строго очерченной рамки изучения его прозы. При этом, однако, в зебальдоведении до сих пор сохраняется целый ряд «пустых мест».

Так, практически вне поля зрения исследователей остаётся незавершённый в связи с кончиной Зебальда роман “Campo Santo”. В этом контексте можно указать лишь на монографию Уве Шютте “W. G. Sebald: Leben und literarisches Werk” (Schütte, 2020), в которой автор подробно анализирует фрагменты неоконченного текста. Однако чаще всего о черновике произведения говорят в контексте других романов или при описании биографии Зебальда. Наибольший интерес исследователи продолжают проявлять к прозаическому наследию автора, в то время как поэзия остаётся крайне малоизученной. Немногочисленные статьи данного направления рассматривают ее с тех же тематических позиций, что и прозу (Полубояринова, Кулишкина, 2020).

Значительный ряд исследователей обращается к рассмотрению идейных влияний на творчество Зебальда таких мыслителей, как В. Беньямин и Л. Витгенштейн. Немецкие исследователи склонны утверждать, что Вальтер Беньямин оказал гораздо большее влияние на поэтику Зебальда (Banki, 2016), нежели Людвиг Витгенштейн, в то время как англоязычные литературоведы утверждают обратное (Schalkwyk, 2010). Влияние философских концепций Людвиг Витгенштейна на прозу Зебальда неоспоримо – он не только неоднократно упоминал философа в своих эссе, но и использовал его фотографии в романах «Аустерлиц» и «Эмигранты». Существуют исследования, посвящённые биографическим и мировоззренческим параллелям между писателем и философом (Pospock, 2010, p. 112–115).

Одним из центральных для зебальдоведения всегда являлся вопрос о жанровой природе прозаического наследия автора «Аустерлица». Разнообразие исследовательских точек зрения можно проиллюстрировать на примере работ, посвященных жанровому определению «Кольца Сатурна». Так, например, Г. Кохар-Линдгрэн предлагает определять жанр «Английского паломничества» как «роман-мемуары» (Kochhar-Lindgren, 2002, p. 369). Некоторые исследователи усматривают в построении романа принцип каталога (Weston, 2011, p. 177), энциклопедии (Theisen, 2006, p. 569) или ризомы (Ribatti, 2012); подобная структура текста натолкнула исследователей на рассуждения о влиянии искусства периода барокко на творчество автора (Каур, 2013). Т. Преснер высказывает мнение, что проза Зебальда является постмодернистским переосмыслением жанра исторического романа и состоит из «вымышленных, искусственно сконструированных изображений настоящих исторических событий» (Presner, 2004, p. 357). Р. Килбурн, рассуждая о жанровой природе произведений В. Г. Зебальда, соглашается с Дж. Лонгом и А. Уайтхед, которые отказывали прозе Зебальда в авторском определении его романов как полижанровых произведений, т. е. сочетающих элементы художественной прозы, травелога (Ахтырская, 2008) и автофикшна (Berghaus, 2013), и утверждали, что писатель создаёт принципиально новый жанр. Однако исследователи не смогли прийти к консенсусу по поводу того, каким названием следует обозначить данный жанр (Long, Whitehead, 2004). По заключению Килбурна (Kilbourn, 2013), возникновение подобного нового жанра, сочетающего отдельные элементы других жанров, – это признак постмодернистской парадигмы. Вопрос о соотношении творчества Зебальда с культурой постмодерна является дискуссионным. Хронологически, а также с учётом тех философских и литературоведческих теорий, на которые опирается автор, его, как правило, относят к постмодернизму (Соколова, 2006). Однако в отказе Зебальда от тотальной постмодернистской игры и обращении к большим нарративам видят возвращение к принципам модернизма (Мишина, 2021). В качестве продолжателя литературной традиции модернизма воспринимают немецкого автора и те исследователи, которые отмечают первостепенное влияние на него французских (М. Фуко, К. Леви-Стросс) и немецких (В. Беньямин, Т. Адорно и М. Хоркхаймер (Jackman, 2004)) философов. В. Н. Ахтырская (2009), в свою очередь, пытается опровергнуть представление о Зебальде как об одном из последних модернистов («модерниста в постмодернистском мире») и доказать принадлежность писателя к постмодернистским представлениям. Сочетание элементов модернизма и постмодернизма иногда обозначают термином «метамодернизм», однако Тимоти Бьюерс (Bewes, 2022), говоря о том, что романы Зебальда представляют собой постфикцию, тем не менее не относит автора к новой культурной парадигме.

Помимо проблемы жанровой специфики актуальным для зебальдоведения является связанный с ней вопрос о характере повествования. Как отмечает Торлейх Перссон (Persson, 2016), в попытке ограничить «художественность» Зебальд стилизует повествование под документальное. Так, например, в «Кольцах Сатурна» тот, с чьих слов мы узнаём о путешествии, служит только медиатором, посредником между событиями и читателем. Перископическая (отстранённая) манера повествования, о которой применительно к своим текстам говорил сам Зебальд, реализуется в том, что повествователь не даёт оценки описываемым им событиям, уравнивая тем самым все вставные истории между собой. У Анн Пирсон (Pearson, 2008) мы находим определение

протагонистов романов Зебальда как «ненадёжных рассказчиков». Исследовательница показывает, что к этому заключению нас подводят и интертекстуальные отсылки, представленные в тексте в виде систематически неточных пересказов художественных произведений и изложений исторических фактов. Отсутствие единого стержня повествования, компиляция отдельных фрагментов при помощи общих, далеко не всегда чётко обозначенных, мотивов – всё это, как отмечается исследователями, можно отнести к специфике прозы автора (He, 2020).

Как известно, текстам Зебальда присущи полилингвальность и интермедийность. Интермедийность в романах связывается прежде всего с использованием изображений. Агнес Балайти (Balajthy, 2022) утверждает, что документы, использованные в текстах, реконтекстуализируются при их размещении рядом с фикциональными элементами и теряют свою изначальную функциональную задачу, обретая художественную. Подобное рассуждение созвучно суждению Артура Уильямса, которое было высказано исследователем ещё в 1998 году, о том, что «Зебальд часто подрывает достоверность воспоминаний своих информаторов, чтобы утвердить силу творческого воображения» (Williams, 1998, p. 56). Т. Н. Амирян называет работу Р. Барта «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975) в качестве текста, повлиявшего на автофикциональную и интермедийную природу романов «Аустерлиц» и «Головокружения», в котором документальность повествования и использование изображений приводят к созданию «двойного языка как присутствия двух медиа в процессе нарративизации себя», такого текстуального пространства, «где нет иерархии между иллюстрирующим и иллюстрируемым материалами, где фотография, в том числе и фотография себя, станет играть равную повествовательную роль с вербальным текстом» (2019, с. 205). Однако помимо того – если говорить о собственно художественном значении данной черты зебальдовского текста – не менее важным оказывается намеренное создание диссонанса, когда речь повествователя прерывается прямой речью на ином языке, что акцентирует внимание читателя на определённом фрагменте, «деавтоматизируя» процесс восприятия. По мнению некоторых исследователей, «многоголосие» или «гетероглоссия» присутствует в романах в виде «голосов» персонажей вставных историй (Domini, 2005, p. 97). Интермедийные сегменты в произведениях Зебальда, как справедливо отмечает Н. М. Зозуля (2018), играют важную роль в организации повествования: изобразительные «вкрапления» (фотографии), по мысли исследовательницы, представляют собой так называемый «фотографический эллипсис», восполняя часть информации, отсутствующей в вербальном тексте.

Еще одной особенностью романов Зебальда, на которую традиционно обращают внимание исследователи, является их открытая интертекстуальность. Так, в уже упомянутой работе А. Пирсон «“Remembrance ... is nothing other than a quotation”: The Intertextual Fictions of W. G. Sebald» (Pearson, 2008) отмечается, что писатель прибегает к характерному для постмодернизма принципу цитации, хотя реализует его нетипичным образом: так, у него отсутствует ироническая интонация по отношению к текстам, к которым он обращается. Некоторые исследователи настаивают на том, что художественные произведения В. Г. Зебальда не обладают целостностью. Так, Тимоти Бьюерс отмечает, что Зебальд – писатель, «для которого внутритекстовая связь возможна только на основе отказа от образцовости, как интрадиегетической, так и экстрадиегетической» (Bewes, 2014, p. 3).

Значительное количество исследований посвящено типологическим сходжениям и влияниям на творчество Зебальда и других писателей, таких как В. Набоков (Curtin, Shroyer, 2005), Ф. Кафка (Klebes, 2004), К. Исигуро (Fürst, 2007), Т. Бернхард (Castro, 2004), П. Хандке (Pages, 2007), О. Памук (Münikli, 2022). Исследования касаются сравнения как общих характеристик поэтик, так и частных тем и мотивов. Примечательно, что романы Зебальда между собой сопоставляют значительно реже, обычно сравнивая отдельные элементы (например, в романах «Эмигранты» и «Аустерлиц»), такие как тема памяти (Bere, 2002) или использование фотографий (Barzilai, 2006). Говоря о произведениях искусства, оказавших влияние на Зебальда, исследователи чаще всего имеют в виду изобразительное искусство (Fuchs, 2006) и литературу, изредка обращая внимание на значимость кинематографа (Frey, 2004), на который, стоит отметить, Зебальд чаще ссылается в своих эссе.

Можно выделить сегмент работ, посвященных одной из наиболее выразительных особенностей текстов Зебальда, – использованию изображений. Иллюстрации принято рассматривать не отдельно от текста, а как его неотъемлемую часть, выраженную через изобразительное искусство и представляющую общий нарратив (Doris, 2016). При этом, по мнению исследователей, изображения выполняют не только функцию дополнения, но и «общаются» между собой, а иногда и «полемизируют» с текстом (Long, 2003). Подобное сопряжение кадров позволяет говорить о кинематографичности текста (Blackler, 2009).

О значимости для произведений Зебальда ситуации (пере)движения, смены мест пребывания пишет М. Р. МакКалох в статье “The Stylistics of Stasis: Paradoxical Effects in W. G. Sebald” (McCulloh, 2004) и Дж. Пилднер в работе “Narrative Discourse, Memory and the Experience of Travel in W. G. Sebald’s Vertigo” (Pieldner, 2016). Эклектичность повествования достигается благодаря компиляции не связанных сюжетно между собой отдельных рассказов, единых на идейно-тематическом уровне, что вызывает у читателя ощущение «статичности» текста. Согласно Дж. Жилкоскому, «повествовательные путешествия Зебальда показывают, что наша дезориентация в пространстве никогда не ведёт к обнаружению чего-то нового, а лишь к зловещим интертекстуальным повторам» (Zilcosky, 2004, p. 90). Как пишет Даниэль Вестон, «ландшафты, представленные в тексте, подчинены нарративу» (Weston, 2011, p. 176). С. С. Рой в статье “Wandering to Dwell” (Roy, 2017) предлагает метафизическую трактовку путешествий, соотнося их с хайдеггеровским «жительствованием» как попыткой онтологического единения с окружающим миром. Иные рассуждения о цели постоянных перемещений различных героев Зебальда приводят исследователей к сравнению их с героем цикла М. Пруста «В поисках утраченного времени» в их общей попытке обрести утраченную родину/дом (Bales, 2009). Так, Г. Кохар-Линдгрэн (Kochhar-Lindgren, 2002, p. 378-379) утверждает, что, например, в романе «Кольца

Сатурна» не соблюдается линейная временная последовательность, различные пространства и времена связываются между собой. К. Датлингер в одной из своих статей (Duttlinger, 2009), посвящённых Зебальду, указывает на возможный экологический посыл романов – прогулки на природе наделяются исследователем эстетической значимостью.

Нередко Зебальд цитируется, упоминается или рассматривается в качестве литературоведа, активно исследовавшего немецкоязычную литературу XX века и то, как в ней отразились последствия Второй мировой войны (Davies, 2011). Так, например, Моника Блэк в своей работе «Земля, одержимая демонами. Ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии» (2022) цитирует пассаж В. Г. Зебальда из сборника эссе «Естественная история разрушений» о нежелании немецкого народа обсуждать последствия полученной нацией травмы. При этом стоит отметить, что в своей эссеистике Зебальд относился к австрийским литераторам намного более благосклонно, нежели к немецким соотечественникам (Hessing, Lenzen, 2016), осуждая последних как за форму (укоренённость в устаревшей традиции), так и за содержание (нежелание осмыслить историческую травму) их произведений.

Восприятие истории в произведениях Зебальда часто рассматривается в тесной связи с исследованиями личной и коллективной памяти, которые по сей день не теряют своей актуальности (Калашникова, 2022). Помимо зебальдоведческих статей и монографий стоит отметить книгу Марианны Хирш «Поколение пост-памяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста» (2021), в которой значительный пассаж посвящен Зебальду. Также можно отметить работы, посвящённые травматическому опыту в связи с историческими событиями (Фокеева, 2020, с. 16). Как известно, сам Зебальд неоднократно критиковал своих соотечественников-писателей за присутствующие в их текстах фигуру умолчания и чувство немоты в связи с воздушными бомбардировками немецких городов союзными войсками. Исследователи не столько уделяют внимание самому факту травматического опыта, изображенного в текстах, сколько стремятся определить, какую методологию излечения, через творческое осмысление, предлагают романы: «основным предметом терапевтического письма являются посттравматические состояния и их последствия, и важно подчеркнуть, что это имеет самое прямое соотношение с психологическим аспектом травмы, в частности, например, с посттравматическим стрессовым расстройством» (Фокеева, 2017, с. 94). Экстраполяция Зебальдом индивидуального опыта травмы не столько на немецкий народ, сколько на всё человечество в целом позволяет говорить исследователям об «апокалиптичности» романов (Соколова, 2021).

Некоторые зебальдоведы стремятся отойти от рассмотрения произведений в уже ставшем «обыденном» контексте. Примерами подобных работ являются статьи и монографии на различные темы: например, статья Е. Боргмана, К. Лоуренса и П. Барта о теологическом аспекте «Макса Фебера» (Borgman, Laurens, Bart, 2005), Зебальд и еврейская литературная традиция (Hall, 2000), статья Хендрика Отремба в сборнике “Sebald in Context” под редакцией У. Шютте (Schütte, 2023) о популярной музыке в произведениях Зебальда.

Немаловажной темой исследований начиная с 2010-х годов становится «вещественность» повествования, сначала в немецком (Knipp, 2012), а затем в английском литературоведении. К примеру, Дорис Чён (Doris, 2016, p. 253) соотносит поэтику Зебальда с феноменом трансмиграции, иначе – миграции или перехода чего-то или какого-то человека сквозь время и физическое пространство, в то же время это может указывать на выход духа или души из телесных в другие, менее осязаемые формы существования. Особенностью хронотопа в романах Зебальда является доминирование пространства над временем (Eshel, 2003), что проявляется в «медлительности протагонистов» (Dahlhaus, 2025), их неспособности соотнести место своего пребывания с настоящим временем, ощущении вневременности окружающего пространства и постоянном наблюдении следов прошедших событий. В связи с этим исследователи сходятся во мнении, что пространство романов, в терминологии Мишеля Фуко, гетеротипично (Gupta, 2019).

Схожей, но малоизученной темой является репрезентация в романах городских пространств, в которых оказываются персонажи Зебальда (Ryan, 2009). Намного большее внимание уделено исследователями теме руин. Образ руин актуализирует в себе как обрывочность воспоминаний, так и последствия разрушений, вызванных историческими событиями (Золотухин, 2022, с. 262). Тема руин связывается уже не столько с физическими пространствами, пострадавшими из-за боевых действий, сколько с представлением о метафизических пространствах.

Примечательно мнение Майкла Хатчинса (Hutchins, 2011), который считает, что протагонисты Зебальда не являются простыми фланёрами, наблюдающими за событиями истории со стороны, но выполняют мессианскую миссию по спасению и очищению человечества благодаря своему стремлению взглянуть в ужасы истории. Подобная интерпретация не удивительна, если принять во внимание, что Зебальда наравне с персонажами-немцами, лишившимися родины, интересуют и судьбы пострадавших евреев (Selikowitz, 2024).

Большинство отмеченных в данной статье работ посвящено отдельным аспектам поэтики романов Зебальда. Вместе с тем в последнее время появляются исследования, в которых авторы стремятся соединить «разрозненные элементы» и проанализировать их в совокупности, выходя за пределы описания общих мест произведений (Winkelvoss, 2022). Зебальдоведы начинают всё чаще говорить о том, что необходимо рассматривать художественное наследие Зебальда в более широком культурном контексте и исследовать тематические влияния, которые могли оказать воздействие на формирование стиля автора и его представления о литературе, однако не были непосредственно отражены в текстах (Hauser, Felberbaum, Wolfinger, 2023). Из наиболее полно охватывающих творчество Зебальда можно выделить работы Лин Вольф (Wolff, 2014), рассматривающей произведения под историографическим углом, и Ричарда Грея (Gray, 2017), исследующего призрачность, эфемерность как повествователя, так и его окружения, с привлечением документальных материалов «извне».

Заключение

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы. На данный момент работы, посвящённые В. Г. Зебальду, не поддаются строгой классификации как хронологически, так и по тематике исследований. Анализ тридцатилетней истории зебальдоведения позволил выявить его тематическое «ядро» и «периферию». К «ядру» относятся работы, связанные с такими темами, как память, травма, меланхолия, Холокост, интермедийное взаимодействие художественного текста и фотоизображений, а также с жанровой спецификой романов. Исследовательскую «периферию» образуют работы по полилингвальности, нарративному аспекту произведений, интертекстуальным связям, а также компаративные штудии. При этом ряд работ посвящён изучению сразу нескольких соотносимых между собой тем (например, травма и Холокост, нарратив и интертекстуальность). Данное тематическое поле сформировалось уже в первое десятилетие существования зебальдоведения и сохраняет устойчивость до настоящего времени.

Сопоставление работ, близких по тематике исследований, показало, что при общности предмета исследования зебальдоведы редко вступают в прямую полемику; для корпуса текстов о Зебальде характерна преемственность в рамках установленного дискурса, соотносящегося с центральными темами изучения. Вместе с тем в последние годы намечается тенденция к усложнению исследовательской рецепции: интерес смещается от доминировавшего ранее романа «Аустерлиц» к прочим, в первую очередь прозаическим, произведениям автора и от центральных тем – к периферийным аспектам, которые всё чаще рассматриваются в их соотносённости как друг с другом, так и с основными зебальдоведческими темами.

Также выявлены существенные лакуны: вне систематического внимания остаются поэзия Зебальда и незавершённый роман «Campo Santo». Однако наиболее важным является то, что по сей день мы не находим работ, посвящённых рассмотрению тематической и структурной специфики творчества Зебальда в целом и ставящих вопрос о возможной динамике его поэтических принципов и установок от романа к роману. Таким образом, основным результатом исследования является констатация фрагментарного характера современного зебальдоведения. Для преодоления фрагментарности предлагается исследовательская стратегия, трактующая общую поэтику Зебальда как динамическую систему, элементы которой рассматриваются в их соотносённости и в процессе перераспределения напряжения между ними. В связи с этим, на наш взгляд, поиск структурных взаимосвязей на микро- и макроуровнях единой поэтологической структуры произведений Зебальда является на современном этапе наиболее перспективным направлением исследования.

Материалы исследования | Research materials

1. Зебальд В. Г. Аустерлиц / пер. с нем. М. Коренева. М.: Новое издательство, 2019а.
2. Зебальд В. Г. Головокружения / пер. с нем. Е. Соколова. М.: Новое издательство, 2019б.
3. Зебальд В. Г. Кольца Сатурна: Английское паломничество / пер. с нем. Э. Венгерова. М.: Новое издательство, 2019с.
4. Sebald W. G. Die Ausgewanderten. Vier lange Erzählungen. Frankfurt a. Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2002.

Источники | References

1. Адорно Т. В. Негативная диалектика / пер. с нем. Е. Л. Петренко. М.: Научный мир, 2003.
2. Адорно Т. В. Эстетическая теория / пер. с нем. А. Дранова. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026.
3. Амирян Т. Н. Двойная идентичность автофикциональной литературы // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. № 3 (38).
4. Ахтырская В. Н. Семиотика рамки на примере прозаических зарисовок В. Г. Зебальда // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2009. Т. 6.
5. Ахтырская В. Н. Центральные и периферийные аспекты поэтики травелога на примере книги В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» // Русская германистика: ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2008. Т. 4.
6. Блэк М. Земля, одержимая демонами: ведьмы, целители и призраки прошлого в послевоенной Германии / пер. с англ. Н. Колпакова. М.: Альпина нон-фикшн, 2022.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод / пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
8. Зозуля Н. М. Визуальное воплощение эстетики воспоминания в романах В. Г. Зебальда «Кольца Сатурна» и «Аустерлиц» // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2019. № 2.
9. Зозуля Н. М. Нарратологические функции фотографии в романе В. Г. Зебальда «Аустерлиц» // Вестник Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Серия 2. Искусствоведение. Филологические науки. 2018. № 4.
10. Золотухин В. В. Руина как возможность // Шаги/Steps. 2022. № 1. <https://doi.org/10.22394/2412-9410-2022-8-1-261-266>
11. Какзанова Е. М. «Умный» или «Духовный»? Перевод одного прилагательного и концепт «Духовность» // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 4.

12. Калашникова Ю. А. Феномен постпамяти в литературной рефлексии В. Г. Зебальда // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. № 1. <https://doi.org/10.18522/2415-8852-2022-1-100-111>
13. Мишина Ю. К. Реализация модернистского проекта в творчестве В. Г. Зебальда // Современное как проблема в истории литературы и культуры: слова и границы понятий «модерн», «модернизм», «постмодерн», «постмодернизм»: коллективная монография / науч. ред.: Т. В. Журчева, И. В. Саморукова, К. А. Сундукова, Л. Г. Тютелова. Самара: ООО «Слово», 2021.
14. Полубояринова Л. Н., Кулишкина О. Н. Две «Мариенбадские элегии»: И. В. Гёте и В. Г. Зебальд // *Studia Literarum*. 2020. Т. 5. № 3. <https://doi.org/10.22455/2500-4247-2020-5-3-128-143>
15. Соколова Е. В. Диалектика ошибки в прозе В. Г. Зебальда («Кольца Сатурна») // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2021. № 3. <https://doi.org/10.31249/chel/2021.03.11>
16. Соколова Е. В. Современная литература Германии: поиски выхода из постмодернизма // Постмодернизм: что же дальше? (Художественная литература на рубеже XX-XXI вв.). 2006. № 2006.
17. Сонтаг С. Разум в трауре // Критическая масса. 2006. № 2. <https://magazines.gorky.media/km/2006/2/razum-v-traure.html>
18. Фокеева М. П. Аналитика травмы в эстетическом дискурсе // Культура и искусство. 2020. № 3. <https://doi.org/10.7256/2454-0625.2020.3.32309>
19. Фокеева М. П. Терапевтическое в романах В. Г. Зебальда // Вестник Литературного института имени А. М. Горького. 2017. № 4.
20. Хирш М. Поколение постпамяти. Письмо и визуальная культура после Холокоста / пер. с англ. Н. Эппле. М.: Новое издательство, 2021.
21. Agazzi E. Mass der Dinge und Weltvermessung Zwischen Forschungsreisen und literarischem Werk: W. G. Sebald, Konrad Bayer und Daniel Kehlmann // *Phänomenologie, Geschichte und Anthropologie des Reisens* / hrsg. von M. Kobelt-Groch, O. Kulishkina, L. Polubojarinova. Kiel: Solivagus Verlag, 2015.
22. Anderson M. M. The Edge of Darkness: On W. G. Sebald // *October*. 2003. Vol. 106. <https://doi.org/10.1162/016228703322791043>
23. Balajthy Á. “Like standing amidst a flood of paper” Tropes of Abundance and Documentarity in The Rings of Saturn // *Central European Cultures* 2. 2022. № 2.
24. Bales R. Homeland and Displacement: The Status of the Text in Sebald and Proust // W. G. Sebald: Schreiben ex patria / Expatriate Writing / ed. G. Fischer. Amsterdam, 2009. https://doi.org/10.1163/9789042027824_029
25. Banki L. Post-Katastrophische Poetik. Zu W. G. Sebald und Walter Benjamin. Paderborn: Fink, 2016. <https://doi.org/10.30965/9783846760727>
26. Barzilai M. On Exposure: Photography and Uncanny Memory in W. G. Sebald’s Die Ausgewanderten and Austerlitz // W. G. Sebald: history, memory, trauma / eds. S. Denham, M. McCulloh. Berlin – N. Y., 2006. <https://doi.org/10.1515/9783110201949.2.205>
27. Bere C. The Book of Memory: W. G. Sebald’s The Emigrants and Austerlitz // *Literary Review*. 2002. № 1.
28. Berghaus S. Grenzgänge des Ich. Wanderungen zwischen Autobiographie und Autofiktion in W. G. Sebalds “Die Ringe des Saturn” / Auto(r)fiktion: literarische Verfahren der Selbstkonstruktion. Bielefeld: Aisthesis Verlag, 2013.
29. Bewes T. Against Exemplarity: W. G. Sebald and the Problem of Connection // *Contemporary Literature*. 2014. Vol. 55. № 1.
30. Bewes T. Free Indirect: The Novel in a Postfictional Age. N. Y.: Columbia University Press, 2022. <https://doi.org/10.7312/bewe19160>
31. Blackler D. Sebald’s Strange Cinematic Prose: stasis and kinesis // W. G. Sebald: Schreiben ex patria / Expatriate Writing / ed. G. Fischer. Amsterdam, 2009. https://doi.org/10.1163/9789042027824_024
32. Borgman E., Laurens K. ten, Bart P. Desperate Affirmation: On the Aporetic Performativity of Memoria and Testimony, in the Light of W. G. Sebald’s Story “Max Ferber”: With a Theological Response // *Literature and Theology*. 2005. Vol. 19 (3).
33. Botez C. Exploring the Edge of Trauma in W. G. Sebald’s Novel “Austerlitz” // *Explorations in World Literature, from Ancient to Contemporary*. 2013. Vol. 16.
34. Brockmeier J. Austerlitz’s Memory // *Partial Answers*. 2008. Vol. 2.
35. Castro B. Through a Glass Darkly: Thomas Bernhard and W. G. Sebald // *HEAT*. 2004. № 7.
36. Costagli S. Sebald, Winfried G.: Die Ringe des Saturn. Eine Englische Wallfahrt. Eichborn, 2015.
37. Curtin A., Shroyer M. M. Netting the Butterfly Man: The Significance of Vladimir Nabokov in W. G. Sebald’s The Emigrants // *Religion and the Arts*. 2005. Vol. 9.
38. Dahlhaus P. Die Langsamkeit in W. G. Sebalds Die Ausgewanderten. 2025. <https://courses.washington.edu/sebald/Papers/PeterLangsamkeit.html>
39. Davies M. P. An uncanny journey: W. G. Sebald and the literature of protest // *Journal of European Studies*. 2011. Vol. 41. <https://doi.org/10.1177/0047244111413702>
40. Domini J. Rings, Planets, Poles, Inferno, Paradise: A Poetics for W. G. Sebald // *Southwest Review*. 2005. Vol. 90. № 1.
41. Doris C. Moths, Photographs, and Emigrants: The Capacity for Transmigration in the Work of W. G. Sebald // *Criticism*. 2016. Vol. 58. № 2.
42. Downing H. Melancholy Inscriptions Memory, Place, and Temporality in W. G. Sebald’s Austerlitz // *Writing-place*. 2018. № 2. <https://doi.org/10.7480/writingplace.2.2637>

43. Duttlinger C. W. G. Sebald: The Pleasure and Pain of Beauty // *German Life and Letters*. 2009. Vol. 62 (3). <https://doi.org/10.1111/j.1468-0483.2009.01467.x>
44. Eshel A. Against the Power of Time: The Poetics of Suspension in W. G. Sebald's *Austerlitz* // *New German Critique*. 2003. Vol. 88. <https://doi.org/10.2307/3211159>
45. Frey M. Theorizing Cinema in Sebald and Sebald with Cinema // *Searching for Sebald: Photography after W. G. Sebald* / eds. L. Patt, C. Dillbohner. Los Angeles, 2004.
46. Fürst L. R. Memory's Fragile Power in Kazuo Ishiguro's *Remains of the Day* and W. G. Sebald's "Max Ferber" // *Contemporary Literature*. 2007. Vol. 43 (4).
47. Fuchs A. W. G. Sebald's Painters: The Function of Fine Art in his Prose Works // *Modern Language Review*. 2006. Vol. 101.
48. Gray R. T. *Ghostwriting: W. G. Sebald's Poetics of History*. New Directions in German Studies. L. – N. Y.: Bloomsbury, 2017.
49. Gupta R. The Politics of Space and Heterotopia in the Works of W. G. Sebald // *IAFOR Journal of Literature & Librarianship*. 2019. Vol. 8. <https://doi.org/10.22492/ijl.8.1.03>
50. Hall K. Jewish Memory in Exile. The Relation of W. G. Sebald's *Die Ausgewanderten* to the Tradition of the Yizkor Books // *Jews in German Literature Since 1945*. *German Jewish Literature?* / ed. by P. O'Dochartaigh. Amsterdam: Rodopi, 2000.
51. Hauser D., Felberbaum R., Wolfinger W. *Nebelflecken und das Unbeobachtete: neue Forschungsansätze zum Werk W. G. Sebalds*. Würzburg: Königshausen & Neumann, 2023.
52. He N. The Bricolage of Words and Images: W. G. Sebald's *Austerlitz* // *boundary 2*. 2020. Vol. 47. № 3. <https://doi.org/10.1215/01903659-8524505>
53. Hessing J., Lenzen V. *Sebald's Blick*. 2 Aufl. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.
54. Hutchins M. *Tikkun: W. G. Sebald's Melancholy Messianism*: diss. ... PhD. Cincinnati, 2011.
55. Jackman G. *Gebanntes Kind?: W. G. Sebald's Metaphysik der Geschichte* // *German Life and Letters*. 2004. H. 57 (4). <https://doi.org/10.1111/j.1468-0483.2004.00297.x>
56. Kaup M. The Neobaroque in W. G. Sebald's *The Rings of Saturn*: The Recovery of Open Totality Countering Post-structuralism // *Contemporary Literature*. 2013. № 54.
57. Kilbourn R. J. A. The question of genre in W. G. Sebald's "prose" (towards a post-memorial literature of restitution) // *A Literature of Restitution: Critical Essays on W. G. Sebald*. Manchester: Manchester University Press, 2013. <https://doi.org/10.7765/9781526102034.00024>
58. Klebes M. *Infinite Journey: From Kafka to Sebald* // *W. G. Sebald: A Critical Companion* / ed. by J. J. Long and Anne Whitehead. Seattle: University of Washington Press, 2004. <https://doi.org/10.1515/ARBI.2005.244>
59. Knipp R. *Narrative der Dinge. Literarische Modellierungen von Mensch-Ding-beziehungen* // *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 2012. № 42 (168). <https://doi.org/10.1007/BF03391259>
60. Kochhar-Lindgren G. *Charcoal: The Phantom Traces of W. G. Sebald's Novel-Memoirs* // *Monatshefte*. 2002. Vol. 94. № 3. <https://www.jstor.org/stable/30157709>
61. Long J. J. History, Narrative, and Photography in W. G. Sebald's *Die Ausgewanderten* // *Modern Language Review*. 2003. Vol. 98 (1). <https://doi.org/10.2307/3738179>
62. Long J. J., Whitehead A. *W. G. Sebald: A Critical Companion*. Seattle: University of Washington Press, 2004. <https://doi.org/10.1515/ARBI.2005.244>
63. McCulloh M. R. The Stylistics of Stasis: Paradoxical Effects in W. G. Sebald // *Style*. 2004. Vol. 38. № 1. <https://www.jstor.org/stable/10.5325/style.38.1.38>
64. Münüklü E. *Die Poetik des Marginalen*. *Gegenwartsliteratur*, 2022. <https://doi.org/10.14361/9783839463390>
65. Pages N. C. *Crossing Borders: Sebald, Handke, and the Pathological Vision* // *Modern Austrian Literature*. 2007. Vol. 40. № 4. <http://www.jstor.org/stable/24649826>
66. Pearson A. 'Remembrance ... Is Nothing Other than a Quotation': The Intertextual Fictions of W. G. Sebald // *Comparative Literature*. 2008. № 3. <https://doi.org/10.1215/-60-3-261>
67. Persson T. Impersonal style and the form of experience in W. G. Sebald's *The Rings of Saturn* // *Studies in the Novel*. 2016. Vol. 48. № 2.
68. Pieldner J. Narrative Discourse, Memory and the Experience of Travel in W. G. Sebald's *Vertigo* // *Acta Universitatis Apientiae, philologica*. 2016. Vol. 8 (1). <https://doi.org/10.1515/ausp-2016-0005>
69. Posnock R. 'Don't Think, but Look!': W. G. Sebald, Wittgenstein, and Cosmopolitan Poverty // *Representations*. 2010. Vol. 112. № 1. <https://doi.org/10.1525/rep.2010.112.1.112>
70. Presner T. S. 'What a Synoptic and Artificial View Reveals': Extreme History and the Modernism of W. G. Sebald's *Realism* // *Criticism*. 2004. Vol. 46. № 3.
71. Ribatti N. Lo sguardo di Saturno. Critica della modernità e regimi scopici in "Die Ringe des Saturn" di W. G. Sebald // *Studia Theodisca*. 2012. Vol. 19. <https://doi.org/10.13130/1593-2478/2547>
72. Ribó I. The One-Winged Angel. History and Memory in the Literary Discourse of W. G. Sebald // *Orbis Litterarum*. 2009. Vol. 64 (3). <https://doi.org/10.1111/J.1600-0730.2009.00957.X>
73. Roy S. S. *Wandering to Dwell: Heidegger and the Phenomenology of Dwelling in Sebald's The Rings of Saturn* // *Modern Fiction Studies*. 2017. № 63 (1).
74. Ryan J. "Lines of Flight": History and Territory in *The Rings of Saturn*. Amsterdam: Editions Rodopi, 2009. https://doi.org/10.1163/9789042027824_007

75. Schalkwyk D. Wittgenstein and Sebald: The Place of Home and the Grammar of Memory // *Language and World. Part 2: Signs, Minds and Actions* / eds. V. Munz, K. Puhl, J. Wang. Berlin – Boston: De Gruyter, 2010. <https://doi.org/10.1515/9783110330571.317>
76. Schmucker P. Grenzüberschreitungen. Intertextualität im Werk von W. G. Sebald. Berlin – Boston, 2012. <https://hss-opus.ub.ruhr-uni-bochum.de/opus4/frontdoor/index/index/year/2018/docId/2812>
77. Schütte U. W. G. Sebald in Context. Cambridge University Press, 2023. <https://doi.org/10.1017/9781009052313>
78. Schütte U. W. G. Sebald: Leben und literarisches Werk. Bonn: De Gruyter, 2020. <https://doi.org/10.1515/9783110656558>
79. Selikowitz G. Sebald's Jews: The Jew as Trope in the Narrative Fiction of W. G. Sebald. Rochester: Boydell and Brewer, 2024. <https://doi.org/10.1515/9781805432906>
80. Theisen B. A Natural History of Destruction: W. G. Sebald's 'The Rings of Saturn' // *MLN*. 2006. № 3. <https://dx.doi.org/10.1353/mln.2006.0083>
81. Tseti A. Historiography in Photo-textuality: The Representation of Trauma in W. G. Sebald's *The Emigrants* // *Synthesis an Anglophone Journal of Comparative Literary Studies*. 2015. Vol. 8. <https://doi.org/10.12681/syn.16215>
82. Weston D. The Spatial Supplement: Landscape and Perspective in W. G. Sebald's *The Rings of Saturn* // *Cultural Geographies*. 2011. Vol. 18. № 2. <https://doi.org/10.1177/1474474010397596>
83. Williams A. The elusive first-person plural: Real absences in Reiner Kunze, Bernd-Dieter Hüge, and W. G. Sebald // "Whose Story"? Continuities in Contemporary German-Language Literature / ed. by A. Williams, S. Parker, J. Preece. N. Y.: Peter Lang, 1998.
84. Winkelvoss K. W. G. Sebald: Formen des Pathos. Paderborn: Brill Fink, 2022. https://doi.org/10.30965/9783846766187_002
85. Wolff L. L. W. G. Sebald's hybrid poetics: literature as historiography. Berlin – Boston: Walter de Gruyter, 2014. <https://doi.org/10.1515/9783110340556>
86. Zilcosky J. Lost and Found: Disorientation, Nostalgia, and Holocaust Melodrama in Sebald's "Austerlitz" // *MLN*. 2006. Vol. 121. <https://dx.doi.org/10.1353/mln.2006.0086>
87. Zilcosky J. Sebald's Uncanny Travels: The Impossibility of Getting Lost // *W. G. Sebald: A Critical Companion* / ed. by J. J. Long, A. Whitehead. Seattle: University of Washington Press, 2004. <https://doi.org/10.1515/ARBI.2005.244>

Информация об авторах | Author information

Ховалко Кристина Сергеевна¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Kristina Sergeevna Khovalko¹

¹ Saint Petersburg State University

¹ k.s.khovalko@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 20.04.2026; опубликовано online (published online): 23.07.2026.

Ключевые слова (keywords): В. Г. Зебальд; зебальдоведение; научная рецепция; стратегия исследований; современная немецкоязычная литература; W. G. Sebald; Sebald studies; reception; research strategy; contemporary German literature.